

С. В. ЧУГРОВ

ЭХО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РОЛЬ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

*Сергей Владиславович Чугров, профессор МГИМО МИД России, главный редактор журнала
«Полис» («Политические исследования»).*

119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: sergeychugrov@gmail.com

Аннотация: В статье рассмотрены не разрешенные со времени окончания Второй мировой войны конфликты по поводу спорных территорий, в которые вовлечены государства Восточной Азии — Япония, Китай, Южная Корея, Россия. На конкретных примерах показано, как государства региона пытаются либо решить территориальные проблемы, либо использовать их в своих внутри- и внешнеполитических интересах.

Ключевые слова: Восточная Азия, территориальные споры, конфликты.

70 лет прошло после окончания Второй мировой войны, а народы Азиатско-Тихоокеанского региона продолжают довольно ощутимо испытывать последствия событий того времени¹. До сих пор остаются нерешенными вопросы, которые впервые встали в ходе послевоенного урегулирования, а некоторые из них обрели крайне драматические черты. Последние годы стали периодом обострения противоречий в Северо-Восточной Азии. Обострились сразу три территориальные проблемы, унаследованные с 1940-х и начала 1950-х годов. Это споры между Японией и Китаем, Японией и Южной Кореей, а также между Японией и Россией. К числу болезненных проблем надо отнести и ситуацию вокруг островов в Южно-Китайском море (Парасельские, Пескадорские и архипелаг Спратли). По числу потенциальных очагов конфликта Восточная Азия сейчас лидирует среди регионов мира. При этом обострение территориальных конфликтов происходит на фоне непростой ситуации вокруг ядерной программы Северной Кореи. А это сочетание факторов может привести к превращению региона в пороховую бочку.

Политические и экономические интересы в этом четырехугольнике тесно переплетены, и ни одна сторона не хочет эскалации конфликта до уровня военных действий. Однако этот сдерживающий фактор в определенный момент способен неожиданно оказаться неэффективным: когда обстановка крайне накалена и нервы у всех напряжены, любой

¹ Исследование по теме «Использование “мягкой силы” в Азиатско-Тихоокеанском регионе» было проведено автором при поддержке Российского гуманитарно-научного фонда» (грант 13-03-00282а).

случайный, несанкционированный ракетный пуск может дать старт цепочке нежелательных последствий, и таким образом территориальные споры могут привести к реальной военной эскалации. Это сейчас кажется маловероятным, но надо учитывать и этот «кошмарный сценарий». В случае более умеренного, но тоже опасного сценария Япония способна отказаться от 9-й статьи своей конституции и встать на рельсы перевооружения, а это катастрофически обострит напряженность в регионе.

Из позитивных факторов выделяю только два. Во-первых, тлеющий конфликт между Китаем и Южной Кореей удалось уладить: Пекин, проявив умеренность, отказался от притязаний на крошечный корейский островок Йодо, показав странам региона, что есть возможность договориться дипломатическим путем. Это очень важный прецедент. Во-вторых, ни один из дипломатических конфликтов так и не перешел в военную фазу.

До недавних пор наиболее угрожающе развивался конфликт вокруг островов Дяоюйдао/Сэнкаку. Однако создание обеими сторонами механизма, обеспечивающего постоянный и эффективный контроль над ситуацией вокруг Дяоюйдао, — это важнейший шаг, который позволяет избежать роковых ошибок и дестабилизации. Сейчас драматизм ситуации значительно спал, но спор вокруг Дяоюйдао, по всей видимости, еще долгое время будет находиться в подвешенном состоянии и беречь чувства обоих народов.

А еще совсем недавно, в 2012 году, ситуация была на грани стремительной эскалации конфликта. (Причиной этого было приобретение правительством Японии трех островов у японского частного владельца, после чего, как известно, группа жителей Гонконга в знак протеста высадилась на островах и была задержана.) С одной стороны, японцы продемонстрировали толерантность и даже слабость: вместо того чтобы посадить в тюрьму гонконгских активистов за «нарушение границы», они их только депортировали на родину. С другой стороны, Китай убедительно продемонстрировал силу, не допустив эскалации. Но это был опасный эксперимент: Токио был на грани того, чтобы кардинально пересмотреть свою военно-политическую стратегию. А новая оборонная стратегия Токио может оказаться весьма неприятной и болезненной для всех стран региона и драматически изменить баланс сил в северо-восточной части Тихого океана. Введение Пекином «зоны опознавания ПВО» Китаем — это очередной раунд противостояния. Надо подчеркнуть, что Китай никаких мобильных либо постоянных средств противовоздушной обороны в «зоне» — как ее нередко называют — не дислоцирует. У Пекина нет зенитно-ракетных вооружений, чтобы эффективно контролировать район таких масштабов, — в этой зоне могут быть использованы лишь истребители. Но напряженность в регионе резко возросла.

Угроза безопасности региона заключается в том, что за спиной Японии мы видим США. Пока существует японо-американский договор безопасности, ситуация в регионе, по всей видимости, останется напряженной. Во время своего последнего визита в Японию президент Обама заявил, что военные гарантии США распространяются на Дяоюйдао. Если бы Китай решился прибегнуть к военной силе, то столкнулся бы не столько с Японией, сколько с США. Россия высоко ценит взвешенную позицию китайского руководства, которое ясно понимает, что развития событий по такому опасному сценарию допустить никак нельзя.

Сильный дестабилизирующий фактор — это визиты президентов и других высших должностных лиц на спорные территории. Так, в августе 2012 года президент Южной Кореи Ли Мен Бак посетил один из островов Токто/Такэсима, которые в Токио считают спорной территорией. Визит был приурочен к юбилею освобождения Кореи от японской оккупации. Надо подчеркнуть, что руководители Южной Кореи никогда в истории не посещали эти территории (даже отличавшийся откровенно антияпонской риторикой президент Но Му Хён воздерживался от посещения островов, желая избежать ухудшения отношений с Японией). Реакция Токио на визит корейского лидера была крайне острой, и ситуация оказалась на грани резкой дестабилизации. Визит был обусловлен, как представляется, исключительно внутриполитическими причинами. Оппозиция в Южной Корее искусно использовала тот факт, что население помнит преступления японской императорской армии во время оккупации с 1910 по 1945 годы. Например, когда на Олимпийских играх в Лондоне футбольная команда Южной Кореи победила японцев в матче за бронзовую медаль, футболист Пак Юн Ву поднял над головой корейский флаг с надписью «Острова Токто — наши!». Усиление антияпонских настроений в лагере оппозиции, возможно, заставило правящую партию

принять популистские меры, чтобы перехватить лозунги оппозиции, а также поддержать свой пошатнувшийся авторитет внутри страны.

Власти Японии после шокировавшего южнокорейцев визита отозвали посла и предложили решить территориальный вопрос на базе ООН. Однако корейские власти отвергли предложение, подчеркнув, что причин для обращения в международный суд нет. Чтобы наглядно подкрепить свою позицию, южнокорейские власти установили на одном из островов Токто монумент, демонстрирующий принадлежность островов к Южной Корее.

Возможно, это обострение ситуации постепенно сошло бы на нет — обе стороны обозначили позиции, президент Южной Кореи достиг своих внутривластных целей, и в раздувании конфликта уже не было бы смысла. Но именно тогда, в сентябре 2012 года, обострился территориальный спор Китая с Японией вокруг островов Дяоюйдао. Завязался сложный трехсторонний узел — Китай, Корея, Япония.

Не секрет, что будущее региона будет во многом складываться в зависимости от состояния отношений между ключевыми акторами в регионе — Пекином, Вашингтоном, Москвой и Токио — в условиях беспрецедентного экономического усиления Китая, роста военной активности США, стремления России справиться с попытками ее политической изоляции со стороны Запада и ослабления позиций Японии. Влияние Токио в Азиатско-Тихоокеанском регионе подвергается большим испытаниям: многие народы Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии крайне критически относятся к Японии, поскольку не могут забыть преступления императорской армии во время Второй мировой войны. Столь же негативно они воспринимают любые попытки по усилению роли Токио в регионе. Эти опасения сблизили даже недругов. Например, в конфликте вокруг островов Токто Пхеньян, редко упускающий шанс покритиковать «марионеточный режим» Сеула, целиком его поддержал. А Тайвань однозначно поддерживает Китай по проблеме принадлежности Дяоюйдао/Сэнкаку.

Казалось бы, Япония в таких условиях должна вести себя очень осторожно. Какие же мотивации у Токио, чтобы идти на обострение территориальных споров в регионе? Японский премьер Синдзо Абэ известен своим стремлением «проявить твердость». 18 декабря 2014 года германская газета «Вельт» (Die Welt) отметила, что Абэ демонстрирует новый «авторитарный тренд». Вместе с Абэ в этом списке президент Владимир Путин и президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган. По мнению немецкой газеты, их объединяет с Абэ то, что в своей политике «они делают ставку на национализм, традиционные культурные ценности и желание взять реванш за исторические унижения. Они также мстят за прошлые унижения, главным из которых для Абэ является поражение Японии во Второй мировой войне. Японский премьер мечтает вернуть своей стране былое величие и изменить навязанную Японии «американскими оккупантам» пацифистскую конституцию. В свою очередь российский президент использует «аннексию» Крыма для демонстрации силы после развала Советского Союза». Обращает на себя внимание и то, что недавно Абэ сказал, что новое поколение японцев надо воспитывать в духе гордости за историю Японии. А это означает, что скоро появятся новые школьные учебники, в которых варварские карательные акции японской императорской армии в Китае, например Нанкинская резня и бесчеловечные медицинские эксперименты над китайскими военнопленными в «отряде 731» близ станции Пиньфань в Манчжурии, будут называться просто обычными «военными операциями». Такая пропагандистская позиция не может быть безразлично воспринятой ни в Китае, ни в Корее, ни в странах Юго-Восточной Азии, и российские эксперты это сочувственно понимают.

Внешнеполитическая напряженность и националистические рецепты разрешения спорных проблем на руку тем силам в Японии, которые хотят отвлечь население страны от нарастающих внутренних проблем, призрака нависающих финансовых трудностей, связанных с неизбежными и непопулярными реформами.

Здесь скрыта каверзная ловушка для Японии. Нарастание националистических настроений, несомненно, вызовет обострение территориальных споров, раздражение соседних государств и — главное — подрыв стабильности в регионе. Самые спорные проблемы в китайско-корейско-японских отношениях — это вопрос «интерпретации истории» и оценка моральной ответственности Токио за ущерб, причиненный в ходе конфликтов, а главное —

ритуал извинения, к которому лидеры Японии до сих пор относились формально. Япония вновь окажется отброшенной в прошлое.

На фоне обострения отношений Японии с Китаем и Кореей стала очевидна несостоятельность позиций правящих кругов Токио и по вопросу «северных территорий», как японцы называют российские южные Курилы. Напомню, что японский парламент в июне 2010 года единогласно проголосовал за принятие поправок к закону «Об особых мерах для форсирования решения проблемы Северных территорий». В тексте поправок к закону зафиксировано положение о принадлежности Японии этих четырех островов. В России это вызвало сильное возмущение. В целях подтверждения суверенитета России тогдашний президент Медведев посетил с визитом Кунашир 1 ноября 2010 года, что стало сильной моральной травмой для японцев. В июле 2012 года визит был повторен лишь с той разницей, что Медведев его совершил уже в качестве премьер-министра.

России и Японии не удалось выйти на уровень истинно партнерского сотрудничества. В чем же причина? Очевидно в том, что ни Москва, ни Токио пока не решили, какова стратегическая значимость для них этих отношений.

Симптомы того, что может состояться прорыв в двусторонних отношениях, есть. Японские санкции в связи с событиями на Украине имели ограниченный и символический характер. Интенсивность контактов возросла. Однако ни в России, ни в Японии нет достаточно влиятельных социальных или лоббистских групп, которые могут заставить власти решить территориальный вопрос. Чтобы решить спор, надо не просто хотеть его решить, а целеустремленно искать для этого возможности. Когда обе стороны захотят — и очень сильно захотят! — решить вопрос, они его решат. То есть отношения не потому не урегулированы, что существует территориальная проблема, а, наоборот, стороны не в состоянии разрешить проблему островов, поскольку их отношения недостаточно хороши. А лечить надо не симптом, а основное заболевание.

Среди причин непонимания между нациями одного культурного ареала следует назвать — как ни парадоксально — общие культурные ценности, точнее — различия в их интерпретации сторонами, которым надо преодолеть причины недоверия. Очень важна роль «мягкой силы» в культурных и научных обменах в регионе. Накал антияпонских настроений в Китае показывает, что притягательная сила культуры, а в китайском случае — в первую очередь поп-культуры — имеет пределы воздействия на общественное мнение, политические симпатии и антипатии. Культура стран Тихоокеанского бассейна также оказывает влияние на развитие общественного сознания на российском Дальнем Востоке. Уже сама близость Китая, Японии, Кореи, магнетическая сила древней китайской культуры, конечно, влияют на мировоззрение населения российского Дальнего Востока.

После ужесточения кризиса вокруг Украины и продления санкций США и Западной Европы, ущемляющих экономические интересы России и ее достоинство, отношения со странами Северо-Восточной Азии приобрели для Москвы беспрецедентно важное значение. Россия не намерена прерывать попыток урегулировать отношения с Западом, но их надо разумно балансировать конструктивным развитием партнерских отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Тут приоритеты России в северо-западной части Тихоокеанского бассейна очевидны: Китай занимает ключевое место в стратегических расчетах России. С Китаем у России — 4 300 км общей границы. Уже одно это означает, что без Китая Москва не в состоянии строить нормальную систему международных отношений в Азии. Но делать ставку исключительно на великого соседа было бы для России политической близорукостью. Вполне уверенно можно утверждать, что российскому народу едва ли подошла бы роль «младшего брата» в тандеме с Китаем наподобие того, как Китай в 1950-х годах считал СССР «старшим братом». Куда более желателен сценарий конструктивных и, главное, сбалансированных отношений со странами региона с приоритетной опорой на партнерские связи с Китаем.

Политические контакты нуждаются в диверсификации с учетом, безусловно, центрального положения Китая в этой системе. Наиболее предпочтительный сценарий для России — дипломатическое урегулирование всех территориальных споров в регионе на основе компромиссов. Надо отказаться от эскалации напряженности и, если не удастся договориться, оставить нерешенные вопросы будущим поколениям. Территориальные проблемы не должны мешать позитивному развитию отношений на всех уровнях.

ECHOES OF SECOND WORLD WAR AND THE ROLE OF SOFT POWER IN THE NORTH-EAST ASIA

*Sergei Chugrov, Professor, Institute for foreign relations (MGIMO), MFA of Russia;
“Polis” (“Political Studies”) journal, Editor-in-chief.*

Summary:

The article deals with the unsolved territorial disputes inherited by East Asia countries (Japan, South Korea, China, Russia) after the World War II. It is shown how the countries of this region are trying to solve these problems or to use them in their own interests in domestic and foreign political actions.

Keywords: *East Asia, territorial disputes, conflicts.*